

“Сдохните, безмозглые кретины” Интервью “Ruthless critique”

Интервью с украинским анархистом [Дмитрием Мрачником \(Dmitry Mrachnik\)](#), членом Автономного Союза Трудящихся ([ACT, Autonomous Workers Union](#)), который объяснил нам ситуацию в Украине. Нас интересует не только понимание событий (против позиций греческих/украинских левых поддерживающих Россию и Путина), но и теория. Наш взгляд на “эпоху беспорядков” и то, как она работает, оправдался. Кажется, что у современных восстаний есть много общих черт. Это бунты среднего класса (или бывшего среднего класса), соединяющегося с рабочими, требующими “настоящей демократии”. Роль ультраправых в событиях на Майдане очень велика, но кажется, что в конечном итоге они не смогли серьезно повлиять на протестующих. Большинство людей осталось на либерально-демократических позициях. Это значит, что нам надо подумать над тем, какова в настоящий момент роль ультраправых сил, и почему рабочий класс не является главным революционным субъектом. Почему либеральные позиции правят подобными восстаниями? Почему трудящиеся вышли на протест просто как абстрактные “граждане”, а не как рабочие, студенты, и т.д? Ясно, что фашистское государство уже не такое, как раньше. Также ясно, что это не наша война, не наше восстание. Пока что. Это интервью не отвечает прямо на все волнующие нас вопросы, но помогает понять события и глубже осмыслить новую “эпоху беспорядков”.

[Наші дії](#) / Бер. 27, 2014 /

A ruthless critique. Имелись ли не-фашистские отряды самообороны Майдана?

Дмитрий Мрачник. На киевском Майдане присутствовало множество отрядов самообороны, в составе которых были в основном беспартийные граждане, не имеющие четких политических взглядов. Также присутствовали отряды ультраправых от ВО “Свобода” и “Правый сектор”, однако они находились в меньшинстве.

ArC. Как в самом начале Майдана большинство протестующих относилось к фашистам? Были попытки прогнать их?

ДМ. К ультраправым относились очень толерантно. На них делали ставку, как на смелых боевиков, а идеологию предпочитали не замечать. Позже стало понятно, что никакой ударной силы ультраправые из себя не представляют, но их по инерции терпели как “своих”.

Арс. Действительно ли результатом Майдана стал “фашистский путч”? Много ли людей поддерживают новую власть?

ДМ. Результатом Майдана стал неолиберальный переворот, развязавший руки широким слоям буржуазии. Те ультраправые, которые пробрались во власть, не спешат одеваться в коричневую униформу и стараются вести себя как и любые другие политики. В целом новое правительство имеет право-либеральный характер. Оценить степень поддержки власти покамест трудно, но очевидно, что ею никто особо не очарован. Люди недовольны тем, что жизнь не меняется. Часто слышны разговоры вроде “мы на майдане боролись не за это”, однако никаких радикальных выступлений против власти пока не предвидится.

Арс. Если это был не “фашистский путч”, то как фашистские организации и ультраправые смогли проникнуть во власть?

ДМ. На данный момент во власти присутствуют члены ультраправой партии ВО “Свобода”, которые получили свои места в правительстве как часть оппозиционного блока. Теперь они респектабельные политики и стараются отмежеваться от агрессивного фашизма, показывая себя как умеренных националистов европейского образца. Однако известно, что внутри партии и в ее молодежном крыле штурмовиков “С14” фашистские настроения по прежнему сильны.

Другой блок ультраправых, “Правый Сектор”, пока что не получил обещанных мест во власти. Судя по всему, от них хотят аккуратно избавиться. Эти конкуренты ВО “Свобода” портят имидж Майдана в глазах Европы своими фашистскими заявлениями и агрессивным поведением. Сейчас их пытаются удержать на коротком поводке как истеричную собаку.

Арс. Совместное участие фашистов и анархистов на протестах – факт. Думаешь, кто то из них смог повлиять на характер Майдана своими идеями?

ДМ. Анархисты на киевском Майдане были в подавляющем меньшинстве и не имели единства в собственной среде. На самом деле многих из этих людей даже трудно назвать анархистами – у них оказался в ходу сексизм, гомофобия и даже национализм. В основном это представители субкультурных движений, не связанные с социальным анархизмом. Эти “анархисты” не имели собственной, автономной и сколько-нибудь значимой политики на Майдане и включались в общую работу. С их стороны была заметна пропаганда самоорганизации и прямой демократии, но эти идеи не получили должной поддержки.

На харьковском Майдане анархисты (в том числе члены “Автономного Союза Трудящихся”), напротив, были частью протестного авангарда и сильно повлияли на общие настроения. Они привнесли революционно-синдикалистскую повестку с социальными требованиями, благодаря чему харьковский Майдан был во многом левым.

Ультраправые же повлияли на протестное настроение киевского Майдана гораздо сильнее, поскольку масса протестующих была изначально открыта для национализма. На первых порах ультраправые идеи имели гегемонию – всюду были красно-черные националистические флаги, лозунги “Слава нации! Смерть врагам!”, но сейчас от них осталась одна шелуха. Люди в основном остались на либеральных позициях.

ArC. У большинства протестующих были либеральные взгляды – против коррупции, за демократию, верно?

ДМ. В основном да.

ArC. Есть ли протесты на востоке Украины? В чем они заключаются?

ДМ. Часть населения напугана благодаря пропаганде Януковича (ранее) и Путина (сейчас). Многие боятся, что вооруженные фашисты придут в их край, запретят русский язык и так далее. Наиболее активные сотрудничают с пропутинскими силами. Другая часть протестует против таких настроений и поддерживает либеральные или националистические ценности киевского Майдана.

ArC. Один товарищ рассказывал, что под конец Майдан заглушил ультраправых и их риторику, потому что среди жертв оказались армяне, русскоязычные украинцы и, вероятно, люди прочих национальностей. Это правда?

ДМ. Не совсем так. Ультраправые смещают свои идеологические акценты по мере развития ситуации. Например, когда стало известно о погибшем армянине, национализм перетек из этнического в гражданский, поскольку настаивать дальше на этнической чистоте для ультраправых политически не выгодно. Большинство граждан Украины, в т.ч. те, кто поддерживает Майдан, скептически относятся к этническому национализму, шовинизму и расизму.

На неофициальном уровне все осталось как и прежде. Например, после гибели активиста армянского происхождения (которого весь Майдан вместе с ультраправыми посмертно чествовал как “героя Украины”), штурмовики ВО “Свобода” обозвали другого армянина (анархиста) “хач”, которому “не место” на Майдане.

ArC. Какая ситуация на Майдане в данный момент? Западные СМИ говорят только о Крыме. Есть ли на улицах люди, которые недовольны новой властью?

ДМ. Майдан сделался спокойнее и тише, теперь там вполне безопасно практически для всех. Не так давно еще можно было ожидать нападений со стороны ультраправых, если ты профсоюзный активист или леворадикал, и никто из окружающих бы не вмешался.

В настроениях активистов Майдана чувствуется справедливое недовольство – они выиграли противостояние с властью Януковича и получили за это неолиберальный режим “жесткой экономии”. Новое правительство настолько слабо и в то же время нагло, что удивительно, почему его до сих пор не сбросили вслед за старым.

Также благодаря поддержке сепаратистских настроений на юго-востоке, про-путинские силы свободно устраивают свои силовые акции против ставленников новой власти и приверженцев Майдана. Делают они это, разумеется, отнюдь не потому, что

недовольны политикой новой власти, а потому, что наконец получили такую возможность.

ArC. Что думает среднестатистический активист Майдана о расизме, правах меньшинств, свободе слова?

ДМ. Скорее всего среднестатистический активист Майдана вообще не думает об этих вещах, за исключением свободы слова. Расизм не распространен в Украине как социальное явление, так как большинство жителей белые, а проблем с темнокожими иностранцами никогда не имелось (были случаи избиений и убийств на этнической почве, однако исключительно со стороны представителей ультраправых субкультур). Бытовой шовинизм и антисемитизм при этом всем распространены весьма широко. Что до меньшинств – в современной Украине не наблюдалось жалоб на целенаправленное ущемление прав малых народов и представителей других наций, поэтому такая проблема в сознании рядового активиста Майдана тоже не стоит.

С правами ЛГБТ все гораздо хуже. Дискриминация, ненависть и насилие исходит в основном от ультраправых и религиозных групп, но большинство граждан это молчаливо одобряет. Обычно никто из прохожих на улице не тронет человека, если известно, что он представитель ЛГБТ, но к нему будет предвзятое отношение при взаимодействии. В случае акций, посвященных ЛГБТ, обычно ожидаются провокации со стороны ультраправых. В СМИ информация о мероприятии и нападении на него подается нейтрально, однако заметно, что насилие против “извращенцев” общество не особо тревожит.

Вероятно, что среднестатистический активист Майдана не любит мероприятий, посвященных ЛГБТ и выступает против “пропаганды гомосексуализма”, с настороженностью относится к открытым представителям ЛГБТ, но при этом напрямую никого не дискриминирует и в принципе старается делать вид, что никаких ЛГБТ не существует.

ArC. Что ему до переворота не нравилось больше - правительство или русский язык?

ДМ. Определенно среднестатистическому активисту Майдана не нравилось правительство. Большая часть украинских городов говорит по-русски, и в Киеве это особенно заметно. Поэтому протестовать против русского языка на Майдане значило бы протестовать против большинства активистов. Многие националисты очень недовольны популярностью русского языка. Что примечательно, украинские националисты есть и среди русскоязычных граждан. Они испытывают стыд за то, что не говорят в быту по-украински, однако дальше этого дело не заходит.

И те, и другие могут выступать против официального статуса русского языка, так как считают, что он вытеснит украинский. Никто на Майдане не выступает против русского языка как такового, кроме самых безумных ультраправых, но их мнение обычно не выносятся на трибуны.

ArC. Говорят, что теперь фашисты контролируют Украину, атакуют людей на улицах, угрожают евреям и т.д. Это путинская пропаганда или факт?

ДМ. Это путинская пропаганда. В украинском правительстве есть представители ультраправой ВО “Свободы”, но они стараются вести себя соответственно своему новому статусу и не делать одиозных заявлений. Правда, у них это получается плохо. Последний курьез это нападение группы “свободовских” депутатов на директора национального телеканала. Тогда партийные лидеры показали свое настоящее лицо, что вызвало несколько акций протеста.

Либеральная часть Майдана выступила против такого поведения “народных трибунов”. Вполне может быть, что “Свободу” сольют с политической арены, как это уже сделали с “Правым сектором”, представители которого так и не получили своих мест в новом правительстве.

Уличный террор ультраправых был и до Майдана, а усилится ли он после него – большой вопрос. С одной стороны, у фашистов есть карт-бланш на действие, полученный за участие в “революции”, а с другой стороны им не нужно лишнее внимание и осуждение со стороны либерально-демократических сил и наблюдателей из Евросоюза.

АрС. Являются ли в настоящее время украинские фашисты большой угрозой?

ДМ. Ультраправые вряд ли станут большей угрозой, чем были раньше, но что их ждет – растворение в центристском мейнстриме или изгнание из большой политики – сейчас сказать трудно.

АрС. Что бы ты сказал анархистам и левым Греции, которые верят путинской пропаганде о фашистском режиме Украины и поддерживают Россию, ее военную агрессию?

ДМ. Я бы сказал им – сдохните, безмозглые кретины. Россия уже много лет как имеет тот самый фашизм, в котором обвиняет Украину. Чтобы поддерживать фашистов, которые спасают соседнюю страну от фашистов, нужно иметь очень скудный ум или полное отсутствие совести. Хороши “анархисты”, поддерживающие государство и его войну!

Хотелось бы еще добавить, что внутренние проблемы страны не решаются военным вторжением. Они только усиливаются от этого и постепенно окрашиваются в коричневый цвет. Война сделает украинских ультраправых полноценными фашистами и поможет им обрести широкую поддержку.

АрС. Что осталось от Майдана? Будут ли его активисты участвовать в будущих движениях?

ДМ. Очень вероятен “второй сезон” протестов против новой власти. У граждан уже есть опыт политического и чисто силового противостояния, а также до сих пор не убранные баррикады и палатки в центрах городов. Лично я надеюсь на образумление

пост-Майдана, обретение им радикальной социально-экономической повестки и полное отторжение ультраправых и политических партий.

ArC. Что создал Майдан?

ДМ. Множество самоуправляемых гражданских инициатив, критическое и придирчивое отношение к любой власти, а также баррикады и моду на “европейский протест” с горящими покрывками и коктейлями Молотова.

ArC. Крымская ситуация что-нибудь изменила? Она повлияла на укрепление ультраправых?

ДМ. Оккупация Крыма российскими войсками продемонстрировала почти что пацифистскую позицию украинской власти, которая не желает развязывать войну даже в случае потери части государственной территории. Такая ситуация позволяет ультраправым вести агрессивную оборонительную пропаганду, однако особого энтузиазма у большинства граждан она не вызывает. Никто не настроен воевать, кроме горстки патриотичных фанатиков.

ArC. Что вы можете делать в настоящем? Выйти на протест против войны?

ДМ. С украинской стороны войны и так не видно, так что мы можем лишь сдерживать агрессивные националистические порывы, объясняя военным энтузиастам, что наши враги это правители и военные командиры, а не российские граждане, даже если их мозги промыты путинской пропагандой.

ArC. Что ты думаешь обо всем этом?

ДМ. Я думаю, что несмотря на военный конфликт, гражданские столкновения и общее полуразрушенное состояние Украины, общественная жизнь налаживается. Она уже не будет прежней – в ней появилось место для низовых инициатив и активности, свободной от оков “большой политики”. Люди видят, что от смены задниц в государственных креслах жизнь не улучшается, и что ради защиты своих интересов следует брать в руки не избирательный бюллетень, а булыжник или коктейль Молотова. Конечно же, ультраправые и политические партии по-прежнему будут при деле, люди будут смотреть телевиденье и внимать спичам с парламентских трибун, а государство и капитал продолжат втихую лазить по чужим карманам. Только теперь противостояние всему этому будет происходить гораздо массовее и веселее.